

**«ПЕРЧАТКА» Б. БЬЕРНСОНА И «ОДНА ИЗ МНОГИХ» Б. КРИС
В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДИСКУССИИ О МУЖСКОМ ЦЕЛОМУДРИИ
И ДВОЙНОЙ МОРАЛИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

Громова Анна Игоревна, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, anna4gromova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5628-8750>

Аннотация. В статье рассматривается полемика, которая возникла в общественном пространстве Российской империи после публикации на русском языке пьесы «Перчатка» Бьернстjerne Бьернсона и драмы «Одна из многих» Бетти Крис и дала толчок к развитию транслируемых их авторами этических взглядов. В этих книгах, переведенных на русский язык с разницей почти в десять лет, выражены практически идентичные новаторские и, можно сказать, сенсационные для своего времени идеи: Свава и Вера, главные героини произведений, выступают за отмену «несправедливой двойственной морали» и ждут от мужчины той же добрачной «чистоты», сохранение которой традиционно требовалось исключительно от женщины в рамках патриархальной парадигмы брачно-семейных отношений. Призыв к отмене двойной морали, выраженный Бьернсоном и Крис (и воплощенный, что важно, именно посредством женщин, героинь их произведений), был напрямую связан с развивающимся в этот период женским движением. Противников транслируемых авторами идей, которые продолжали придерживаться традиционного взгляда на половую мораль и положение женщины в обществе, было несравненно больше, чем ее сторонников. Однако сам факт появления в публичном поле подобного рода дискуссии и то, что целый ряд представителей медицинского сообщества, общественных деятелей, литераторов и журналистов поддержали эти идеи, говорит об изменениях, которые уже начали происходить в общественном сознании.

Ключевые слова: Российская империя, интеллигенция, половая мораль, целомудрие, брачно-семейные отношения, женское движение, художественная литература.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-09-00191

Для цитирования: «Перчатка» Б. Бьернсона и «Одна из многих» Б. Крис в контексте общественной дискуссии о мужском целомудрии и двойной морали в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 4. С. 27–34. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-27-34>

Research Article

**“A GAUNTLET” BY BJØRNSTJERNE MARTINIUS BJØRNSON AND “VERA:
ONE FOR MANY: FROM A GIRL’S DIARY” BY BETTINA DOROTHEA KRIS
IN THE CONTEXT OF A PUBLIC DISCUSSION ABOUT MALE CHASTITY
AND DOUBLE MORALITY IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES**

Anna I. Gromova, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, anna4gromova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5628-8750>

Abstract. The article examines the controversy that arose in the public space of the Russian Empire after the publication in Russian of two resonant works of fiction – “A Gauntlet” by Bjørnstjerne Bjørnson and “One for Many” by Betty Kris – and gave impetus to the development of ethical views broadcast by their authors. In these books, translated into Russian with a difference of almost ten years, practically identical innovative and, one might say, sensational ideas for their time are expressed – Svava and Vera, the main heroines of the works, advocate the abolition of “unjust dual morality” and expect from a man the same premarital “purity”, the preservation of which was traditionally required exclusively from a woman within the framework of the patriarchal paradigm of marriage and family relations. The call for the abolition of double standards, expressed by B. Bjørnson and B. Kris (and embodied, which is important, precisely through the women, the heroines of their works), was directly related to the women’s movement developing during this period. There were incomparably more opponents of the ideas broadcast by the authors, who continued to adhere to the traditional view of sexual morality and the position of women in society, than its supporters. However, the very fact that such a discussion appeared in the public field and the fact

that a number of representatives of the medical community, public figures, writers and journalists supported these ideas, speaks of the changes that have already begun to take place in the public consciousness.

Keywords: Russian empire, intelligentsia, sexual morality, chastity, marriage and family relations, women's movement, fiction.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-09-00191

For citation: Gromova A.I. "A Gauntlet" by Bjørnstjerne Martinius Bjørnson and "Vera: One for Many: From a Girl's Diary" by Bettina Dorothea Kris in the context of a public discussion about male chastity and double morality in the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 4, pp. 27–34 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-4-27-34>

Во второй половине XIX в. в Российской империи продолжали господствовать патриархальный гендерный порядок и традиционная, закреплённая христианскими догматами половая мораль [Пушкарева 2008; Пушкарева, Белова, Мицюк], в рамках которой в сфере семейно-брачных отношений женщине отводилось подчинённое положение. Двойная мораль, имевшая в индустриальной России практически то же содержание, что и в викторианской Англии, диктовала абсолютно разные нормы поведения в сексуальной сфере для женщин и для мужчин. До вступления в брак девушка (вне зависимости от сословной принадлежности) обязана была сохранять невинность («девичью честь» [Пушкарева 2011]), которая напрямую была связана с такими понятиями, как «добродетель», «порядочность», «целомудренность», «благовоспитанность». Утрата девственности до замужества для женщины означала утрату чести – в этом случае она, воспринимаемая в качестве объекта брачных отношений, теряла свою ценность (ее личные качества в подобной ситуации не имели значения), социальное положение и обрела клеймо «падшей». Огромная важность социально сконструированного концепта девства подтверждалась и закреплялась правом, религией, культурой, общественным мнением и в течение многих веков не подвергалась сомнению. В то же время мужчина не был скован подобными правилами и пользовался гораздо большей сексуальной свободой, чем женщина. Патриархальная двойная мораль легитимировала добрачные половые связи для мужчин; более того, подобная модель мужского поведения считалась нормой. Двойные стандарты в сфере семейно-брачных отношений закрепляли гендерную асимметрию и служили одним из источников сохранения гендерных иерархий в обществе.

Однако в последней четверти XIX в. (сначала в кругах европейской, а затем и российской интеллигенции) начинает зарождаться этическая концепция, впоследствии породившая своего рода «нравственное движение», последователи которого подняли вопрос о необходимости сохранять целомудрие до бра-

Только целомудренный и чистый юноша может без упрека самому себе приблизиться к своей невесте

Корниг Т.Г. Гигиена целомудрия

ка не только женщинами, но и мужчинами. Сам факт возникновения подобной дискуссии в публичном поле был в сущности беспрецедентным для русского общества, никак не соотносился с устоявшейся морально-нравственной парадигмой отношений между полами и, более того, вступал с ней в открытый конфликт.

Кратко характеризуя истоки возникновения подобных идей, можно сказать, что основными причинами были следующие: медицинские (эпидемия сифилиса, достигшая огромного размаха, остановить которую пытались в том числе при помощи пропаганды воздержания среди мужчин) и социальные (развитие женского и напрямую связанного с ним аболиционистского движения, вследствие которого в публичном пространстве появился запрос на «отмену» двойных стандартов в области половых отношений, установление «единой нравственности» для всех людей, вне зависимости от пола, а также требование закрытия домов терпимости, в существовании которых феминистки-аболиционистки винили именно мужскую половую распущенность).

Одними из основных инициаторов общественных дискуссий вокруг проблемы необходимости полового воздержания для мужчин стали авторы двух знаковых художественных произведений: норвежский новеллист и драматург Бьернстjerne Бьернсон и его пьеса «Перчатка» [Бьернсон], опубликованная в 1883 г. (в статье использован перевод на русский язык Т.А. Кузьминской, 1892 г.), и немецкая писательница Бетти Крис, автор драмы «Одна за многих: из дневника молодой девушки» [Крис], изданной под псевдонимом *Vera*. Обе эти резонансные книги ставят, по сути, один и тот же проблемный вопрос; после их публикации на русском языке в среде российской интеллигенции разразилась весьма оживлённая полемика.

Нужно отметить, что Т.А. Кузьминская выполнила перевод «Перчатки» по рекомендации Л.Н. Толстого; сам писатель за несколько десятилетий до публикации пьесы в России поднимал вопрос о важности целомудренного образа жизни для мужчины: и в «Юно-

сти» (1857), заключительной части трилогии, где описано «падение» молодого человека в публичном доме, и в романе «Анна Каренина» (1877), в котором Левин дает своей будущей жене Кити Щербацкой прочесть его «Дневник падения» [Гнедич: 194–195]. Повесть Толстого «Крейцерова соната» (1890) имела огромное влияние на молодых людей того времени (по данным половой переписи московского студенчества, проведенной в 1903–1904 гг. студенческим Пироговским медицинским обществом, среди книг по половому вопросу мужская учащая молодежь указывает на наиболее благотворное влияние «Крейцеровой сонаты»; и только один человек упомянул «Перчатку» и «Одну из многих» [Членов: 52]). В «Послесловии» к «Крейцеровой сонате» автор, объясняя свою позицию, хоть и пишет о важности целомудрия (проповедует половой аскетизм в духе христианской морали, а также критикует современное состояние брака и воспекает евангельский идеал безбрачия) для мужчин, имеет в виду не просто добрачное воздержание – он отрицает сексуальную жизнь вообще, для обоих полов и даже в браке, и допускает подобные отношения только для продолжения рода. Плотская любовь, по Толстому, – унижительное для человека, животное состояние: «воздержание, составляющее необходимое условие человеческого достоинства при безбрачном состоянии, еще более обязательно в браке» [Толстой 12: 199]. Кроме того, необходимо отметить, что повествование в рассказе ведется от лица мужчины, т. е. мы видим мужской взгляд на «половой вопрос». «Перчатка» же и «Одна из многих» вызвали настолько бурную реакцию именно по той причине, что в этих произведениях внимание сфокусировано на женщине, а последняя, как уже говорилось выше, даже написана женщиной. Тот факт, что именно женщина прямо и смело высказывает свою точку зрения на половую этику, при этом обличая традиционную мораль и – беспрецедентно! – требует от мужчины, чтобы он сохранял невинность до брака, и породил целый шквал негативных откликов. В центр своего произведения Бьернсон поставил именно женщину, и именно она явилась выразителем этических взглядов автора на половой вопрос. Можно сказать, что в общественном пространстве империи после публикации перевода пьесы «Перчатка» и ее постановки в Александринском театре впервые зазвучал голос женщины, высказывающей свое мнение на тему, о которой ранее могли говорить исключительно мужчины, и при этом транслирующей столь радикальные взгляды.

Главная героиня пьесы – Свава, «благородная молодая девица», занимавшаяся общественной деятельностью (она основала приюты для детей). Девушка обречена с Альфом, сыном знатных и богатых роди-

телей. Свава наперекор общественному мнению (согласно которому, как уже говорилось выше, только женщина обязана была «хранить честь» до свадьбы – к мужчине же это требование не предъявлялось) не приемлет двойных стандартов в сфере отношений между полами и твердо убеждена в том, что блюсти «чистоту» мужчина должен в точности так же, как и женщина. Нецеломудренные мужчины, которые вступали в сексуальные отношения до брака или же не были верны женам после его заключения, по ее мнению, теряют облик человека и становятся животными. Вступить в брак с таким человеком для нее значит – погрузиться в «пучину грязи». Однако же впоследствии она узнает, что и ее жених, которого она считала «чистым», до знакомства с ней вел далеко не целомудренный образ жизни: кроме всего прочего, до помолвки он имел связь с замужней компаньонкой своих родителей, которая умерла от чахотки. Девушке нанесена серьезная моральная травма: в ее сознании благородный принц обращается в дикого зверя. Однако отец Свавы называет взгляды дочери «фантастическими теориями»; он смеется над ее моральными принципами, иронически называя ее «воплощенной добродетелью», и просит быть снисходительной к тому, что ее жених имел «связь»: он считает непреложным фактом, что жена должна прощать мужу подобное поведение, а ее кротость и любовь «очищают» супруга (Свава же парирует, задавая отцу вопрос: ты думаешь, что «супружество – большая прачечная для мужчин, а мы девушки – прачки, каждая у своего корыта со своим куском мыла»? [Бьернсон: 31]). Ее отец называет высокомерием то, что Свава требует от мужчины придерживаться тех же нравственных норм, безусловного соблюдения которых общество ждет от женщины, – а женщина, по его мнению, вращивалась и дрессировалась только для одного – «чтобы быть собственностью одного человека» (супруга). Мужчины в пьесе называют нравственные убеждения Свавы дикими, глупыми теориями; мать Альфа считает, что лучше закрыть глаза на поведение жениха, чем упустить хорошую партию и остаться «озлобленной старой девой». Во время решающего объяснения Свавы и Альфа последний заявляет, что не считает себя виноватым ни в чем, ему не в чем себя упрекнуть и не за что просить прощения: более того, реакция невесты его оскорбляет. Сваву поражают двойные стандарты, которые транслируют окружающие ее мужчины в целом и ее жених в частности. В финале пьесы она говорит, что не может мириться с «двойственным» поведением Альфа, и бросает ему в лицо перчатку (она совершает поступок, характерный исключительно для мужских сообществ, тем самым показывая, что ее честь поругана и она вправе требовать ее удовлетворения от мужчины как полностью равная ему).

Фабула драмы «Одна из многих: из дневника молодой девушки» (в статье использован перевод с нем. яз. А.А. Малинина, 1902 г.) в целом схожа с основным содержанием пьесы «Перчатка», однако финал ее гораздо более трагичен. Незадолго до свадьбы главная героиня произведения Вера узнает, что у ее жениха Георга несколько лет назад была связь с женой его бывшего товарища (связь эта, как позже расскажет сам Георг, была далеко не единственной – в прошлом он имел множество других отношений, в том числе и с «продажными женщинами»). Эта новость потрясает девушку (до того момента она верила в чистоту своего жениха, «как в Евангелие») и вырывает из мира иллюзий. Вера шокирована, растоптана, она чувствует себя униженной и преданной. В финале пьесы девушка, не выдержав столь сильного удара, совершает самоубийство за день до свадьбы.

Вера (как указывает автор перевода драмы Малинин, и псевдоним автора, и имя героини написаны в оригинале на латыни – *Vera* (по-немецки это имя пишется как *Wera*), что означает «истинная», «правдивая» [Малинин: 3]), так же как и Свава, в книге выступает как образец целомудрия и не приемлет традиционной половой морали («господской морали мужчин»), в рамках которой к мужчинам и женщинам применяют разные этические критерии («разве, действительно, половая честь у мужчины другая, чем у женщины?»); она убеждена, что без достижения равных прав с мужчинами в сфере сексуальных отношений настоящее равноправие невозможно. К слову, российские женские журналы общественно-политической направленности впоследствии активно высказывали подобную точку зрения на добрачные половые связи: например, героиня рассказа «Женщина с прошлым» («Женский вестник»), скульпторша и та самая «новая женщина», воспетая Александрой Коллонтай [Осипович 1993], говорит: «В вопросах нравственности, чести нет и не может быть мужчины и женщины, есть – человек» [Громова: 184–185].

Вооружившись своим строгим этическим кодексом, девушка дает Георгу гневную отповедь. И здесь мы видим смену гендерных ролей: объясняясь с Георгом, Вера совершенно очевидно занимает мужскую позицию. Не прощая ему потерю «добрачной чистоты», она поступает так же, как поступил бы мужчина по отношению к утратившей «честь» невесте в патриархальной гендерной парадигме («...мы девушки должны обладать правом требовать от наших избранников такой же чистоты, таких же незапятнанных чувств, каких они, как строгие судьи, требуют от нас!»). Сначала жених не кажется смущенным – свои прошлые связи он считает «законным удовольствием» молодости, служащим для сохранения мужского здоровья и одобряемым врачами. Однако затем поведение Георга меняется: он умоляет Веру не дать

ему погибнуть, забыть о его прошлом (клеймо «человека с прошлым») общество ставило только на женщину, которая «запятнала» свою репутацию, применительно к мужчине это было невозможно; здесь же именно жених – «мужчина с прошлым», падший и лишившийся чистоты, строгим судьей которого выступает женщина, его невеста). На протяжении веков считалось непреложным фактом, что исключительно женщина, традиционно воспринимаемая в отрыве от собственной субъектности («Георгу хочется слить меня со своим “я”», сделать из меня свою вещь, орудие своей власти, обстановку своего комфорта), теряет ценность с утратой невинности: в рассказе же мы наблюдаем противоположную ситуацию («мужская чистота», сохранения которой требует Вера от мужчин, по сути, является абсолютно новым понятием). Само слово «падшая» использовалось только в женском роде («падших мужчин не бывает...») [Исполатова: 13] – по отношению к женщинам, лишившимся невинности до брака, проституткам и т. д. Вера же применяет его и к мужчинам, не придерживаясь тех нравственных норм, блюсти которые в рамках патриархальной модели семейно-брачных отношений должна была только женщина.

В своем дневнике Вера неоднократно сравнивает нецеломудренных мужчин с проститутками («и разве мужчина, предающийся разврату, не проституткует себя так же, как продажная женщина?»; «Все эти мужчины нисколько не лучше проститутки!»). В итоге, несмотря на униженные мольбы Георга о прощении, который винит в своей «гибели» общество, Вера отказывается ему в снисхождении: «Раскаяния не может быть, если чистота потеряна!» – говорит она, тем самым беря на себя роль строгого палача, которым в подобной ситуации всегда выступал мужчина. В итоге Вера как идеал отношений предлагает «чистый брак», заключенный в молодости; она верит в то, что мужчина со временем, в более просвещенном обществе будущего, осознает неоспоримую пользу воздержания, сможет прийти к необходимости сохранения чистоты, перестанет осквернять свою честь и выйдет из-под власти «низких половых инстинктов» («и если бы мне удалось положить хоть один камешек в дивное здание более чистого, целомудренного будущего... то я считаю, что не слишком дорого плачу за это ценой моей жизни»). Здесь ее взгляд на половые отношения аналогичен точке зрения на этот предмет первых русских феминисток. В статье «Будущая женщина» Покровская, которая была убеждена в том, что поведение женщины в сексуальной сфере гораздо благороднее, достойнее и гуманнее – она «не такая раба полового инстинкта, как мужчина», выражает свои надежды на то, что в перспективе женщина сможет, благодаря длительной работе и соответствующему воспитанию

подрастающего поколения, усовершенствовать половые отношения [Покровская 1912: 34].

Главные героини упомянутых выше произведений – идеалистки; они предстают перед читателями как новые образы, показаны своими создателями как образцы нравственности и целомудрия. Однако требование одинаковых этических прав, которое они озвучивают, современное им общество считает глупыми, пустыми фантазиями. Трагедия Свавы и Веры состоит среди прочего в том, что их взгляды на половую этику намного опережают свое время. Мужчины же в контексте обоих произведений – хищные звери, воплощение порока (и в «Перчатке», и в «Одной из многих»); их невинные невесты должны быть принесены в жертву Молоху (мужской безнравственности). Противопоставление «чистоты» и «грязи», «целомудрия» и «разврата», «воздержания» и «осквернения», «женского» и «мужского» рефреном проходит сквозь оба эти произведения; при этом, описывая «порочную» сексуальную жизнь мужчин, и Бьернсон, и Крис используют схожие эпитеты и метафоры (болото, пучина, низина, бездна разврата, бездна мерзости, навозная куча, каналы души, в которых скопилась грязь, и т. д.).

Как уже говорилось выше, после перевода на русский язык и «Перчатка», и «Одна из многих» вызвали оживленную (и даже ожесточенную) дискуссию. Как и следовало ожидать, противников выраженных в этих произведениях идей оказалось гораздо больше, чем их сторонников. Например, в рецензии под названием «Единобрачие и многобрачие» на пьесу «Перчатка» драматург П.П. Гнедич отмечает, что журналисты и критики отнеслись к «этической комедии» прохладно, а последние даже назвали идеи автора «институтски-наивными»; при этом сам Гнедич в целом высказывает к ней сочувственное отношение. Он приводит краткую характеристику этических взглядов Бьернсона, которые он частично выразил в «Перчатке»: по мнению норвежского писателя, главным критерием прогресса общества является единобрачие, то есть «союз одного мужчины и одной женщины» – при этом жена в таком союзе абсолютно равноправна с мужем. Бьернсон является сторонником добрачного воздержания и утверждает, что залог формирования здорового общества состоит в ранних помолвках. Гнедич в целом согласен с автором, однако в полном соответствии с господствующей патриархальной концепцией отмечает, что в падении взрослых мужчин всегда виноваты женщины, а в развращении юношей – прислуга женского пола. Что касается самой пьесы, то Гнедич хвалит первую ее редакцию (в которой автор оставляет надежду на то, что Свава «одумается») и свадьба все же состоится) и выступает с критикой второго варианта текста, опубликованного спустя 6 лет (в котором Свава категорически разрывает помолвку), и назы-

вает его замысел нелепым. Главную героиню второй редакции «этической комедии» автор рецензии характеризует как «невозможную куклу» и в ряде моментов выказывает очевидно большее сочувствие Альфу, чем Сваве [Гнедич].

В Европе этические взгляды Бьернсона вызвали также весьма противоречивую реакцию, по большей части негативную. Например, на родине автора его лекции «О моногамии и полигамии» женщины встретили с восторгом: даже начали организовываться женские союзы, которые распространяли идеи драматурга. В Германии же после постановки пьесы (1899 г., театр «Лессинга» в Берлине) пресса разразилась шквалом негативных отзывов, причем наиболее разгромную рецензию написал Пауль Линдау, журналист и театральный критик: если Гнедич назвал Сваву куклой, то Линдау – манекеном («живым человеком она быть не может, ибо ни одна умная интеллигентная девушка, узнавшая до свадьбы, что жених ее не вполне целомудрен, – не сделает из этого драмы и не разойдется с ним» [Корниг: 4–5]). Линдау утверждал, что невинность украшает девушку – для мужчины же она не имеет никакого значения.

Отечественные критики и журналисты наградили Веру еще более нелицеприятными эпитетами, чем Сваву: литературовед В.М. Фриче назвал ее «мещанкой с ног до головы», которая «отстала от жизни» [Малинин]; ее называли «психопаткой», «истеричной барышней» (здесь напомним, что клеймо «сумасшедшая» общество часто ставило на женщин, чье поведение выходило за рамки общепринятой нормы), «выродком», «дурой» и т. д. [Анохин: 6].

Сторонники же концепции мужского добрачного воздержания приводили не только этические, социологические или психологические доводы: они призывали на помощь современные им медицинские исследования. Например, студент-медик А. Анохин в «Открытом письме товарищам», посвященном поведении целомудренного образа жизни, полностью разделяет идеи Бьернсона и Крис и обильно цитирует оба произведения. Ссылаясь на научные работы неврологов, психиатров, венерологов (таких как Риббинг, Корниг, Крафт-Эббинг, Форель, Тарновский, Сикорский и др.), апологет нравственности доказывает, что воздержание не только не наносит вреда здоровью мужчин (точка зрения, господствовавшая во врачебном сообществе), но, более того, укрепляет организм и нервную систему («болезни от воздержания незнакомы научной медицине»). Упомянутым выше медицинским трудам он противопоставляет безусловно вредные, по его мнению, «научно-популярные брошюры», бывшие в ходу среди молодежи (напр., «Опытный друг и наставник в тайнах брака», «Чего хочет женщина», «Настольная книга секретных болезней» и др.) [Анохин].

После публикации перевода драмы вышел целый ряд «ответов» на нее: здесь приведем один из них, автор которого – поэт и писатель Л.О. Кармен (предисловие написал *Altalena* – псевдоним журналиста и переводчика В.Е. Жаботинского, – который высмеял «немецкую барышню Веру» и, вторя Фриче, назвал ее мещанкой; он прямо выражает свое несогласие с идеей дневника и утверждает, что именно мещанская закваска «приводит бедную барышню к требованию девственности от мужчины, вступающего в брак» [Кармен: 7]). Этот «ответ» был написан в форме рассказа под названием «Моя сестра»: в нем повествуется о том, как в минуту отчаяния, блуждая по улицам большого города, герой произведения встречает проститутку, светлую и добрую девушку, которая – единственная из всей огромной толпы – окликает его, тем самым, как выражается автор, проявив к нему сестринское сочувствие. Как выясняется впоследствии, девушку зовут Варя (можно предположить, что имя выбрано специально, благодаря созвучию с именем главной героини «Одной из многих»), она раньше работала горничной, но, соблазненная хозяином, вынуждена была искать заработок иного рода. Герой рассказа начал посещать ее постоянно; но однажды она бесследно пропадает. Полемизируя с Бетти Крис, Кармен дает понять, что такие девушки, как Вера, имеют возможность сохранять свою невинность только благодаря существованию таких девушек, как Варя («и растет количество их [публичных домов. – Авт.] не по дням, а по часам, “грудью” охраняя, как реликвию, целомудрие – этот “высший дар неба” – наших сестер и дочерей» [Кармен: 14]).

Яркий пример рассуждений молодой образованной девушки, жившей на рубеже веков, о необходимости сохранения добрачного целомудрия для обоих полов мы можем увидеть на страницах «Дневника русской женщины» Елизаветы Дьяконовой, выпускницы Высших женских курсов. После знакомства с «Крейцеровой сонатой» Толстого (страстной и преданной поклонницей которого она была) и этическими взглядами Бьернсона Елизавета приходит к выводу, идентичному позиции ряда русских феминисток первой волны, выступавших против двойных стандартов в области половых отношений: она твердо убеждена, что не только женщины, но и мужчины должны создавать супружеский союз, будучи душевно и телесно чистыми. По поводу «Перчатки» она делает эмоциональную запись в своем дневнике в июле 1893 г. (ей было тогда 19 лет):

С тех пор, как я прочла статью Гнедича в «Русском Вестнике» – «Вопрос о единобрачии мужчин», я уже не верю нынешним женихам и их любви. Меня возмутила не самая статья, а выписка из комедии «Перчатка» Бьернсона, где невеста возвращает жениху данное ему слово, потому что он знал до свадьбы дру-

гих женщин. И вот, вместо сочувствия несчастной невесте отовсюду поднимаются вопли негодования, и сам жених на вопрос возмущенной девушки – решил-ся бы он жениться на падшей до замужества – тоном оскорбленной добродетели, читает ей же (!) нотации, что всякий мужчина из его круга почел бы это за позор для себя... Им все можно, а женщинам они не прощают и еще считают позорным союз с подобной себе: они же ее развращают, и они же смеют отворачиваться от нее, делаясь впоследствии «образцовыми» мужьями и отцами семейств. И это везде, везде! и в России, и за границей! О, Боже мой, Боже мой! Точно что оторвалось у меня на сердце, я хотела плакать, но не могла... [Дьяконова: 82].

Для сравнения приведем цитату из дневника другой молодой девушки, Натальи Миротворской:

Читала «Обрыв» Гончарова и «Одна за многих» Веры <...> Разговор об этой книге зашел с Петром Николаевичем. Он меня спросил, поступила бы я так на Верином месте? Теперь – нет, потому что я хорошо знаю, что жизнь мужчины идет по иному руслу, чем наша. Но ведь было и у меня время (в пятом, шестом классе гимназии), когда этот вопрос во всей своей жестокости и откровенности стоял передо мной. После полного неведения и идеализации пришлось опуститься в какую-то зловонную яму. Если бы у меня в то время была любовь, как у Веры, я, может быть, поступила бы, как она.

Теперь я стала старше и гораздо опытней. Да и вообще «чистоте» как мужчин, так и женщин не придаю большого значения. Особенно возмущаюсь против нелогичного взгляда, что женщина должна беречь свою «чистоту», а мужчина – нет. Это абсурд последней крайности. Жизнью могут наравне пользоваться и мужчина, и женщина. Тем более этой «чистоты» не имеет нравственного права требовать мужчина, который большею частью узнает женщину раньше женитьбы. Это еще отголосок эпохи рабства жены и господства мужа, хотя эта эпоха продолжается и до сих пор. Становится горько, обидно и досадно за эту явную несправедливость. <...> А ведь такой взгляд на сохранение «чистоты» девушки до замужества до сих пор еще крепко держится во всех слоях общества. Этот предрассудок впитывается с молоком матери, и сколько горя приносит он! «А зачем, для чего?» – встает протестующий вопрос [Миротворская].

На примере дневника Миротворской, которая, как и Дьяконова, вела записи с ранних лет, мы можем проследить трансформацию женского взгляда на «половой вопрос». Схожесть жизненных установок обеих девушек очевидна – обе хотели вырваться из провинциальной обстановки, в которой родились, обе были эмансипированными и мыслили нешаблонно. Однако если Дьяконова утверждает, что вступать в брак

непорочными должны как мужчины, так и женщины, то Миротворская, которая сделала приведенную выше запись почти в том же возрасте, что и Лиза (но писала эти строки в 1920 г., почти на 30 лет позже Елизаветы, уже будучи замужней женщиной, – в отличие от Дьяконовой, которая не была знакома с этой стороной жизни), хоть и также выступает против патриархальной двойной морали, смотрит на это с противоположной точки зрения – она считает, что жизнью должны пользоваться и мужчины, и женщины.

Приведенная в статье дискуссия затронула очень узкую прослойку населения; однако даже вовлеченные в обсуждение возможности/необходимости соблюдения мужчинами доброго целомудрия образованные, просвещенные люди были категорически не согласны с позицией сторонников этой идеи. Противников концепции, согласно которой жених должен быть так же девственен, как и его невеста, было гораздо больше, чем сочувствующих этим взглядам; более того, многие даже не воспринимали подобные идеи всерьез, считая их нелепыми, утопичными и не стоящими внимания (уравнивание мужчины и женщины в половом отношении могло даже считаться противоестественным [см., напр.: Корниг: 21]). Здесь стоит отметить следующее важнейшее обстоятельство: в данную полемику были вовлечены в основном мужчины (они были как обвинителями, так и адвокатами этой этической концепции) – у женщин в этот период времени было гораздо меньше ресурсов и общественных площадок для прямого выражения своей позиции. Однако сам факт появления в публичном поле подобной дискуссии, к тому же инициированной посредством женских персонажей (авторы «Перчатки» и «Одной из многих» транслировали точку зрения на устоявшуюся в обществе двойную мораль именно через своих героинь – то есть давали возможность услышать женский голос), говорит о том, что в обществе начинали происходить перемены: жесткая патриархальная парадигма, хоть и очень медленно и постепенно, но все же подвергалась трансформации. «Этическое движение» (противники, к слову, называли его «психической эпидемией» [Корниг: 5]) получило свое развитие во многом благодаря общественным наукам, литературе и журналистике. Более того, российские и зарубежные писатели, ученые и общественные деятели, вовлеченные в данную дискуссию, именно в «установлении» общей для обоих полов «нравственной мерки» видели одно из условий прогресса общества: например, Бьернсон считал, что поднять общественную нравственность можно с помощью целомудренной жизни мужчин [Корниг 1900: 8], а историк П.В. Безобразов в своей книге, посвященной Московскому обществу улучшения участи женщин, писал следующее: «Целомудрию мужчин я придаю очень большую важность и жду от него

обновления общества» [Безобразов: 4]). Изменения, происходившие в общественном сознании, в том числе благодаря силе влияния художественных произведений, приводили к пониманию необходимости формирования новых моральных критериев и отмены двойных стандартов в области половых отношений, существование которых было напрямую связано с подчиненным положением женщины.

Список литературы

Анохин А.К. Воздержание или разврат? (Открытое письмо товарищам). Киев: Лито-тип. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1905. 20 с.

Безобразов П.В. О современном разврате. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1900. 90 с.

Бьернсон Б. Перчатка: норв. комедия: в 3 д. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892. 60 с.

Гнедич П. Единобрачие и многобрачие // Русский вестник. 1893. Январь. Т. 224. С. 194–218.

Громова А.И. Женская сексуальность и половая мораль: различие интерпретаций в отечественной женской периодике начала XX в. // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем: в 3 т.: материалы X Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 7–10 сентября 2017 г., Архангельск / отв. ред. Н.Л. Пушкирева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т. 3. С. 182–185. 272 с.

Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины. М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2006. 672 с.

Исполатова И.К. Самосознание женщины как фактор обновления общественного строя // Союз женщин. 1908. № 12. С. 12–16.

Кармен Л.О. Ответ Вере: одна из многих. Одесса: Тип. Гальперина и Швейцера, 1903. 24 с.

Корниг Т.Г. Гигиена целомудрия. СПб.: А. Сухова, 1900. 47 с.

Крис Б. Одна за многих: из дневника молодой девушки. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1902. 109 с.

Малинин А.А. В защиту книги Вера «Одна из многих» против рецензии г. Фриче. М.: Тип. А.В. Васильева, 1903. 14 с.

Миротворская Н.А. Две тетради. Дневник Н.А. Миротворской // Lib.ru: «Современная литература». URL: http://lit.lib.ru/m/mirotworskaja_n_a/dve_tetrad_i.shtml (дата обращения: 22.10.2021).

Осипович Т. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // ОНС: Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174–186.

Покровская М.И. Будущая женщина // Женский вестник. 1912. № 2. С. 33–35.

Пушкирева Н.Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17.

Пушкарева Н.Л. Ценность добрачного целомудрия в традиционной русской культуре // Историческая психология и социология истории. 2011. № 1. С. 33–46.

Пушкарева Н., Белова А., Мицюк Н. Сметая запреты. Очерки русской сексуальной культуры XI–XX вв. М.: НЛЮ, 2020. 504 с.

Толстой Л.Н. Послесловие к «Крейцеровой сонате» // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 12. С. 197–210.

Членов М.А. Половая переписка московского студенчества и ее общественное значение. М.: Студ. мед. изд. комис., 1909. 104 с.

References

Anokhin A.K. *Vozderzhanie ili razvrat? (Otkrytoe pis'mo tovarishcham)* [Abstinence or debauchery? (Open letter to comrades)]. Kiev, lito-tip. t-va I.N. Kushnerev i K° Publ., 1905, 20 p. (In Russ.)

Bezobrazov P.V. *O sovremenom razvrate* [About modern debauchery]. Moscow, pech. A.I. Snegirevoj Publ., 1900, 90 p. (In Russ.)

B'ernson B. *Perchatka: norv. komediia: v 3 d.* [Glove: Norwegian comedy: in 3 d.]. St. Petersburg, tip. br. Pan-televykh Publ., 1892, 60 p. (In Russ.)

Chlenov M.A. *Polovaia perepis' moskovskogo studenchestva i ee obshchestvennoe znachenie* [Sex census of Moscow students and its social significance]. Moscow, Stud. med. izd. komis. Publ., 1909, 104 p. (In Russ.)

D'iakonova E.A. *Dnevnik russkoi zhenshchiny* [Diary of a Russian woman]. Moscow, Izdatel'skii dom Mezhdunarodnogo universiteta v Moskve Publ., 2006, 672 p. (In Russ.)

Gnedich P. *Edinobrachie i mnogobrachie* [Monogamy and polygamy]. *Russkii vestnik* [Russian herald], 1893, Ianvar', vol. 224, pp. 194–218. (In Russ.)

Gromova A.I. *Zhenskaia seksual'nost' i polovaia moral': razlichie interpretatsii v otechestvennoi zhenskoj periodike nachala XX v.* [Women's sexuality and sexual morality: differences in interpretations in russian women's periodicals at the beginning of the 20th century]. *Sila slabykh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoiashchem. Materialy Desiatoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii RAIZH i IEA RAN, 7–10 sentiabria 201 g., Arkhangel'sk: v 3 t.* [Strength of the weak: gender aspects of mutual aid and leadership in the past and present. Materials of the tenth international scientific conference of RAIZH and IEA RAS, september 7–10, 2017, Arkhangel'sk: in 3 vols], ed. by N.L. Pushkareva, T.I. Troshina. Moscow, IEA RAN Publ., 2017, vol. 3, pp. 182–185, 272 p. (In Russ.)

Ispolatova I.K. *Samosoznanie zhenshchiny, kak faktor obnoveniia obshchestvennogo stroia* [Self-awareness of a woman as a factor in the renewal of the social system]. *Soiuz zhenshchin* [Union of women], 1908, № 12, pp. 12–16. (In Russ.)

Karmen L.O. *Otvet Vere: odna iz mnogikh* [Vera's answer: one of many]. Odessa, Tip. Gal'perina i Shveitsera Publ., 1903, 24 p. (In Russ.)

Kornig T.G. *Gigiiena tselomudriia* [Chastity hygiene]. St. Petersburg, A. Sukhova Publ., 1900, 47 p. (In Russ.)

Kris B. *Odna za mnogikh: iz dnevnika molodoi devushki* [One by many: from the diary of a young girl]. Moscow, tipo-lit. A.V. Vasil'eva i K° Publ., 1902, 109 p. (In Russ.)

Malinin A.A. *V zashchitu knigi Vera "Odna iz mnogikh" protiv retsenzii g. Friche* [In defense of the book Vera «One of the Many» against the review of Mr. Fritsche]. Moscow, tip. A.V. Vasil'eva Publ., 1903, 14 p. (In Russ.)

Mirotvorskaia N.A. *Dve tetradi. Dnevnik N.A. Mirotvorskoi* [Two notebooks. N.A. Mirotvorskaiia's diary]. *Lib.ru: "Sovremennaia literatura"* [Lib.ru: Modern literature]. URL: http://lit.lib.ru/m/mirotvorskaja_n_a/dve_tetradi.shtml (access date: 22.10.2021). (In Russ.)

Osipovich T. *Kommunizm, feminizm, osvobozhdenie zhenshchin i Aleksandra Kollontai* [Communism, feminism, women's liberation and Alexandra Kollontai]. *ONS: Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1993, № 1, pp. 174–186. (In Russ.)

Pokrovskaiia M.I. *Budushchaia zhenshchina* [Future woman]. *Zhenskii vestnik* [Women's herald], 1912, № 2, pp. 33–35. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Seksual'nost' v chastnoi zhizni russkoi zhenshchiny (XIX–XX vv.): vliianie pravoslavnogo i etakraticeskogo gendernykh poriadkov* [Sexuality in the private life of a Russian woman (10th – 20th centuries): the influence of Orthodox and statocratic gender orders]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Women in Russian society], 2008, № 2, pp. 3–17. (In Russ.)

Pushkareva N.L. *Cennost' dobrachnogo celomudriia v traditsionnoi russkoi kul'ture* [The value of premarital chastity in traditional Russian culture]. *Istoricheskaja psikhologija i sociologija istorii* [Historical Psychology & Sociology], 2011, № 1, pp. 33–46. (In Russ.)

Pushkareva N., Belova A., Mitsiuk N. *Smetaia zaprety. Ocherki russkoi seksual'noi kul'tury XI–XX vekov* [Sweeping away the prohibitions: Essays on Russian sexual culture of the 11th – 20th centuries], Moscow, NLO Publ., 2020, 504 p. (In Russ.)

Tolstoi L.N. *Posleslovie k «Kreitserovoi sonate»* [Afterword to the «Kreutzer Sonata»]. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenii: v 22 t.* [Collected works: in 22 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982, vol. 12, pp. 197–210. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.09.2021; одобрена после рецензирования 19.10.2021; принята к публикации 15.11.2021.

The article was submitted 21.09.2021; approved after reviewing 19.10.2021; accepted for publication 15.11.2021